

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемые Отделом древней русской литературы Института литературы Академии Наук СССР «Труды» ставят своей задачей публикацию исследований литературных памятников русского средневековья, еще не включенных в научный оборот, и издание еще неизвестных текстов.

В связи с нарастающим интересом советского культурного читателя к древне-русской литературе, все необходимое становится установление правильной исторической перспективы в этой области. Вместе с тем необходимо усвоить из старого научного наследия все то ценное, что в нем имеется: в частности, по-настоящему оценить образцовые труды акад. А. А. Шахматова по русскому летописанию.

Одной из характерных особенностей изучения древне-русской литературы является его органическая связь с родственными науками: историей, лингвистикой, историей искусства, фольклористикой. Эти связи надо всячески закреплять и поддерживать.

Состав IV тома «Трудов ОДРЛ» в основном посвящен разработке литературоведческих тем, связывающих историю древне-русской литературы с историей (работы акад. А. А. Шахматова, М. О. Скрипиля), историей русского просвещения (работы В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, В. Ф. Покровской), фольклористикой (работа акад. А. С. Орлова) и отчасти историей искусств (частично работа Д. В. Айналова).

Первое место в IV томе «Трудов ОДРЛ» занимает недавно найденное среди бумаг покойного акад. А. А. Шахматова его исследование „Литературные источники «Повести временных лет»“,¹ выполненное лучшим знатоком русского летописания, в лице которого объединились литературовед, лингвист и историк. Это исследование расширяет отношение к одному из важнейших источников истории начального периода русского государства. А. А. Шахматов вскрывает обилие привлеченных в «Повесть временных лет» литературных материалов, показывая на этом примере, как высоко стояла литературная культура Киевской Руси еще в XI в. Круг использованных в «Повести временных лет» литературных памятников показывает связь Киевской Руси с общеевропейской культурой, частично уходящей корнями в античность. В своем исследовании А. А. Шахматов показал своеобразие использования литературных источников летописцем. Подбор источников оказался не случайным, он определялся теми широкими общественно-политическими задачами, которые выдвигала летопись, отвечая на вопрос: «откуда есть пошла русская земля», изображая ее международную роль в начале XII в. Учет иноземных источников необходим, чтобы воссоздать историю нашего народа не в отрыве от «истории общеевропейской и, вообще, мировой истории»

¹ Хранится в Архиве АН СССР; шифр издаваемой рукописи — «фонд 134, опись 1, № 144»; в том же собрании хранится рукопись изданного в этом году Институтом Литературы АН «Обозрения русских летописных сводов XIV—XVI вв.» — шифр «фонд 134, опись 1, № 110».

(И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. 8 августа 1934 г.).

Далее, в IV томе помещаются статьи и материалы, относящиеся к древне-русской беллетристике, дополняющие наши сведения по истории повести, сатиры и драмы с XII по XVIII в.

Статья члена-корреспондента Академии Наук СССР Д. В. Айналова «Заметки к тексту Слова о полку Игореве» касается чтения отдельных мест «Слова» и толкования его реалий. В период оживленного интереса к «Слову» работы Д. В. Айналова — историка искусства и литературоведа — ценны многосторонностью отношения к материалу.

Статья М. О. Скрипицы «Повести о Юлиании Вяземской» касается мало освещенного в литературоведении вопроса о зачатках оригинальной историко-бытовой повести, об ее общественно-политической роли и о борьбе этого жанра с церковными тенденциями в литературе. Исследователь показывает, как «Повесть о Юлиании Вяземской», в старшей редакции XVI в. передающая подлинный исторический факт, вскоре перерабатывается с политической целью прославления рода московских князей, а позже в руках церковников превращается в традиционно-житийное сказание, стирающее конкретные исторические черты. К исследованию приложены неизданные тексты этой повести.

В. Ф. Покровская в статье «Повесть о Бруне и Мелеонии» обнаруживает среди церковно-исторических переводов с новогреческого языка, сделанных в Москве во второй половине XVII в., повесть с любовным сюжетом, хотя и поданным в очерковленной форме, и показывает, что другой вариант того же сюжета одновременно пришел с Запада в виде занимательного романа приключений («Повесть о Петре Златых ключах»). Этот светский вариант получил широкое распространение, тогда как «Повесть о Бруне и Мелеонии», перегруженная нравочениями, написанная тяжелым книжным языком, не привилась среди читателей. Этот вывод подтверждает наше представление об ослаблении у читателей во второй половине XVII в. интереса к назидательным тенденциям в литературе и о нарастании вкуса к новой тематике, более отвечающей новому соотношению сил в общественно-политической жизни Московского государства.

Статья В. П. Адриановой-Перетц «Сатира на Феодосия Яновского» знакомит с неизвестным еще памятником сатирической литературы первой четверти XVIII в. Точно изображающая подлинный исторический факт, эта сатира характеризует быт и нравы «князей церкви» Пестровской эпохи.

В статье того же автора «Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.» приводятся сведения о неизвестных пьесах, продолжающих в XVIII в. традиции школьного театра XVII в. Первая из исследуемых пьес — «Троицкий диалог» 1740-х гг. — показывает, как в духовных школах елизаветинской поры насаждались тенденции официозной публицистики. Вторая пьеса, повторяющая традиционную форму рождественской драмы XVII в., указывает на существование неизвестного до сих пор школьного театра в Астрахани. Этот город, где с начала XVIII в. столкнулись разнообразные культурные воздействия капуцинов и иезуитов, с одной стороны, киевской и московской академий — с другой, включается новым материалом в группу очагов школьной литературы, воспитывавших в XVIII в. в определенном направлении вкусы учащихся. Под этими воздействиями, между прочим, прошло детство В. К. Тредьяковского.

И. П. Еремин сообщает новые материалы, касающиеся драмы-игры «Царь Ирод», шутовской буффонады, восходящей корнями к мистериальному театру западноевропейского средневековья. Длительное бытование этой

драмы-игры в демократической среде показывает, что царское правительство, мешавшее продвижению в народные массы «литературной» драмы, не препятствовало исполнению примитивных пьес типа «Царя Ирода». С другой стороны, тексты этой драмы-игры иллюстрируют наглядно процесс превращения именно в народной среде первоначально церковной мистерий в шутовскую буффонаду.

Акад. А. С. Орлов сообщает найденный им в рукописи XVIII в. текст былины об Илье Муромце, обработанной в форме книжной повести — «истории».

Заметки В. И. Млышева о некоторых осмотренных им рукописных собраниях Севера обращают внимание на необходимость систематического их обследования, так как состав дореволюционных рукописных собраний значительно изменился: часть рукописей волилась в более крупные книгохранилища, на их место поступили материалы, не бывшие прежде на учете. Улучшение условий хранения всех этих материалов и научное описание их способствовали бы включению их в научный оборот.
